

Эра Думер

Цикл «Игла и ключ».
Часть первая:

ВТОРИЧКА

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Д82

Думер, Э.

Д82 Вторичка/ Э. Думер. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 306 с. — (Вторичка).

ISBN 978-5-517-12277-3

Он — сотрудник внеземного агентства по продаже миров — умеет открывать любые двери и оберегать свои тайны. Она — Его консультант, единственная выжившая среди людей-«макетов» — объединяется с Его неприятелем в попытке раскрыть Его секреты. Они спускаются по ступеням Этажей опустевшего «вторичного жилья» на пути к Сердцу мира, испытывают нарастающее взаимное влечение, сражаются с врагами и плетут интриги, которым позавидуют античные боги.

Сумеет ли Она распутать клубок тайн и увидеть Его истинное лицо? Найдут ли Они выход?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-12277-3

© Думер Э., текст, 2024
© Renge.R, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Глава I

КРЫША

Двери вагона столичного метро стиснули клетчатый баул. Второй засало желе из пассажиров, потянув меня следом. Состав тронулся и принялся набирать скорость. Не найдя точки опоры, описала вальсовый квадрат, но от падения меня спасли ручки застрявшей сумки, на которых я повисла, как парашютист на стропах. Пассажиры остались равнодушными к танцу с баулами, кроме двух студентов, нарекших меня навьюченным осликом, вероятно, из-за низкого роста.

Я отпустила красно-синие ручки, подтащила к ногам второй мешок и взялась за поручень. Между створками дверей с надписями «Не прислоняться» образовалась щель, откуда долетал сквознячок с запахом жженой резины. В черных стеклах отражалось мое лицо: припухшие серо-карие глаза, легкий макияж, родинка под правым уголком губ. Из-под мешковатого пуховика торчали ноги-спички, обутые в громоздкие ботинки на шнуровке. Я потеряла пальцем пятно на черном пуховике и скуksилась: дырка.

От нечего делать пересчитала свои станции на карте, похожей на цветную каракатицу. Ежедневный ритуал, после которого я моментально забывала количество. От недосыпа мысль растворялась быстрее акварельной капли в воде. Из-за нарушенного сна мое утро начиналось задолго до рассвета. Я приводила светло-русый хаос в подобие прически — волосы до середины лопаток носила распущенными, — подкрашивала ресницы, оставляя отпечатки туши на припухлых нижних веках, и, морщась от алкогольного зловония из маминой комнаты, выбегала на улицу. Шагала пять минут до автобусной остановки, чтобы, ища воздуха в плотной толпе, пересечь МКАД и спуститься в метро на окраине Москвы.

Будильник хоть и разбивал остатки сонливости, но она снова настигала меня в транспорте. Не беда — научилась спать стоя. Стук колес умиротворял. Пригревшись в углу дверей, зажевавших сине-красный баул, я прикрыла глаза и покрепче ухватила за его ручки.

Мне снилось, будто мои попутчики перечитывают одни и те же строчки в газетах и книгах, потому что смысл ускользал. Снилось, как они набирают текстовые сообщения в «раскладушках» и в попытке отправить СМС поднимают сотовые к потолку. Я знаю, что мобильные операторы не покрывают под-земку, и мне смешно наблюдать за их карго-культом.

Под развеселый рингтон *пассажир*, лица которого не разглядеть, дарит мне связку ключей от семиэтажного дома. В кабине лифта выжжены все кнопки, но я жму наугад — «панелька» заброшена, и войти можно в любую квартиру. Дом принадлежит нам двоим. Мне и *тому*, кто разделит со мной многоэтажный быт. *Он* ждет меня наверху. Вдруг мне становится страшно — что, если *он* исчез вместе с остальными жильцами? Тогда лифт, который двигается по тросу, что объединяет *нас*, рухнет в шахту.

Я отчаянно жму кнопку вызова, но диспетчерская не отвечает. Кабина ускоряется: подъем перерастает в падение. *Вниз, а не вверх.*

Пробуждение вышло резким — едва не свалилась на пол, но вовремя удержалась. Поезд замычал и ускорился. Я передернула плечами и заправила за ухо выпавшую прядь волос. Баул по-прежнему висел в дверях. Разве этот тоннельный перегон всегда был настолько протяженным?

Сверившись с наручными часами, стрелки которых, казалось, приклеились к циферблату, вздернула бровь: и минуты не прошло с тех пор, как меня сморил сон, а мы еще не проехали ни одной станции — состав мчался вприпрыжку, стуча колесами.

«Сбой в тормозной системе? Мне что, это мерещится?»

Люди не реагировали на аварийную ситуацию. Я вцепилась в поручень и прижалась к нему. Мое миниатюрное тельце вжалось в дверцу, как на центрифуге. Баул, стоявший в ногах, упал, покатился по дорожке из слякоти и остановился в туфлях женщины. Она подтолкнула сумку шпилькой, поджав красные губы.

Меня уже не волновали вещи.

Мы ехали в никуда.

Скорость поезда выходила за пределы технических возможностей. Вагоны скрипели, раскачивались, повизгивали, источали нестерпимую вонь горелой резины. Мигали лампочки. Люди цеплялись за поручни, ворча и бранясь, но не паниковали, словно их не касались законы физики.

Я крепко зажмурилась. Ладони вспотели и соскальзывали с поручня. Сердце ощутимо колотилось. «*Восемнадцатилетняя Вера Беляева погибла в тоннеле метро при скорости двести километров в час*» — нетривиальная эпиграфа для могильного памятника.

Состав начал отрезками сбрасывать скорость, и меньше, чем через минуту, вагон застыл около платформы. Двери разъехались, и мой баул утонул в стоногой толпе. Я с досадой схватила вторую сумку и случайно задела пассажирку на шпильках. Женщина смотрела прямо перед собой. Прижав к груди баул и расталкивая людей плечиками, я вывалилась на платформу.

«Осторожно, двери закрываются...»

С колес поднялись тормозные колодки, вышел с характерным звуком воздух, состав громыхнул и отправился. Его проглотила чернота тоннеля. Обнимая сумку, я смотрела вслед уходящему поезду, пока меня не задел плечом мужчина. Бросив вдогонку пару бранных слов, он слился с толпой. Ноги сами понесли меня вслед за ворчуном, а поджилки все еще тряслись, и все еще зрел ком в горле. Приходило нездоровое понимание, что инцидент произошел не со мной, а с другим навьюченным осликом.

Когда последний вагон исчез в тоннеле, я посмотрела на наручные часы и поджала губы. Хозяин торговой точки, мой начальник, должен был вот-вот нагряться: мало опоздания, так еще и умудрилась потерять половину поставки.

Автопилот вывел меня на эскалатор, по которому я побежала на своих двоих. Лавируя между неторопливыми гражданами, нырнула под арку. Навалившись на стеклянные двери выхода всей тщедушной массой, очутилась в подземном переходе. Январское утро окрасило его в персиковый цвет: освещение еще не погасили с ночи. Синяя густота затекала с улицы вместе с нежным московским морозцем и растворялась в ржавчине.

Дыхание стеснилось, вынуждая сделать паузу, облокотиться о стену и стянуть куртку на груди. Сердце колотилось в бешеном ритме, которому подыгрывала кровь, барабанившая в виски. Я была здорово напугана, но паника оставила меня, так и не атаковав. Спокойно. Важно делать вид, что все под контролем, даже если находишься на подступах к безумию.

Дав себе пару минут на внутренний диалог, добралась до рабочего места — торговала по соседству с уличным музыкантом напротив попрошайки, симулирующей беременность. Девушку, стриженную под каре, что якобы находилась на сносях, звали Эвелиной. Она просила называть ее просто Веля. Эвелина поприветствовала меня, и я заметила, что протянутая для подаяния ладонь уже была профессионально сложена лодочкой.

— Удивительный ты экземпляр, Веля, — сказала я, расстилая брезент и устанавливая складной табурет, — уже два года на восьмом месяце. Скоро в детский сад пойдете, да?

Я кратко улыбнулась своей традиции подтрунивать над обманщицей, но гибельная поездка на метро отбила желание шутить. У меня, конечно, было предположение, что я поеду головой от «хорошей» жизни, но не так скоро. Разве может галлюцинация быть настолько реалистичной? Я не спала. Точно не спала, ведь ощущала феноменальную скорость, вибрацию раскаленных шпал, вонь гари. Аномалия без логического объяснения...

— А уморительная ты девка, Верка... — Эвелина перестала смеяться, заострив взгляд на моем лице. — Эй, ты в порядке?

Не кусай руку, которая тебя кормит, госпожа Беляева, иначе живенько окажешься на улице.

Чувствовалось, что он не шутил. Я запротестовала, театрально сложив ладони в молитвенной позе:

— Олежа Палыч, каюсь, осознала грех. Торговать в подzemке — предел моих мечтаний. Не лишай меня единственной радости в жизни.

— Прибереги рамсы, малолетка. Ты у меня допрыгаешься! Если за два дня не сбудешь месячный шмот, вылетишь с точки как пробка из бутылки шампанского. Просекла?

— В сказках на невыполнимые задания дается три дня.

Олег, успевший отойти, обернулся и по-волчьи оскалился, обнажив золотую коронку на переднем зубе:

— А мы не в сказке живем, не врубилась еще?

Когда начальник оставил переход, я продолжила выкладку товаров, погрузившись в мысли. У меня не атрофировалось понятие признательности. Олежа дал мне способ заработать на хлеб, но только потому, что увязался за юбкой моей горе-мамаши. Благотель сомнительный, но не будь у меня работы с девятью-то классами образования, мы бы жили с мамой в коробке из-под холодильника на Площади трех вокзалов.

А Олежа... Олежу турецкие джинсы волновали больше, чем моя безопасность. Что, собственно, справедливо, потому что я стоила не дороже, чем пара из потертой синтетической ткани. В глубине души теплилась надежда, что он пудрит мне мозги в воспитательных целях — работаю на Олега Лысого не первый год: в последние пару недель что-то резко изменилось, и он на меня взелся. С мамой, что ли, рассорился?

Пусть по мне нельзя было такого сказать, но я патологически искала в людях светлые стороны. Они мне нравились, за исключением живодеров и эстрадных певцов, поющих под фонограмму.

В облаке мыслей встала на носки и попыталась попасть крючком вешалки в звено одной из цепей, что свисали со стенда-витрины. Несколько курток развесила на среднем уровне, но с мужским пальто, что следовало разместить выше остальной верхней одежды, из-за низкого роста не справилась. Кряхтела-кряхтела — безрезультатно.

— Помочь?

Я обернулась через плечо. Передо мной стоял уличный музыкант Андрей.

— Не пугай так! Показалось, что ты тот самый пес, — ответила я, передав пальто парню.

— Что за пес, Вер?

— Тот, что скулит в другом конце подземки, — указала на рабочее место с гитарой и усилителем. — Страдальца либо в клинику сдать, либо усыпить.

Привыкший к грубым подколам, гитарист рассмеялся и без усилий справился с пальто. Я ответила кислой улыбкой. Кудрявый, очки в модной оправе, мягкий душой и телом. У Андрея имелась страсть к научно-популярным журнальчикам и телепередачам. Музыкант ничего не смыслил в науке, зато болтал о ней без умолку. Зева, как его прозвали за фамилию Зеваков, харизматично пересказывал сюжеты документалок, за счет чего и заработал репутацию увлекательного собеседника.

Порой, когда его пальцы уставали зажимать струны, он подходил ко мне и заводил разговор про квантовое бессмертие или кота Шредингера. На что откладывал вырученные средства — не рассказывал. Бренчал ради горстки мелочи явно не от хорошей жизни. Выражусь в манере Андрея: наша подземка — квантовый переход для отбросов.

В общем, не коллеги, а «соль земли».

Днями напролет не утихала болтовня: шли разговоры и о том, что поведение фотонов зависит от присутствия наблюдателя, и о том, на каком рынке подкручивают весы ради обмана.

Зева заметил, как я методично складываю блузки, и щелкнул пальцами:

— Ты выбрала голубую блузку, а не зеленый джемпер. Казалось бы, какая мелочь? А ты в курсе, что всякий выбор порождает две и более вселенных, где случился и не случился результат?

— ...а эти же вселенные, — произнесла я параллельно с Андреем, — как снежинки, порождают свои развилки, исходя из решений наблюдателя.

— Ого, Верун, ты тоже смотришь «Квантовый замес» по четвергам? — удивился он.

— Верун? Не люблю клички, мы же не в тюрьме. Зови по имени.

У гитариста покраснели кончики ушей. Андрей прочистил горло и переключился на Эвелину:

— Эй, Велька, как твое «ничего»? Какую ленту покупать-то к рождению малыша? Розовую, голубую?

Попрошайка подбоченилась:

— Шел бы ты отсюда, Джон Леннон недоделанный, ты мне всех благотворителей распугаешь!

Эвелина появилась в переходе ближе к тридцати. Она была из тех, кому не удалось покорить столицу. Провалившая вступительные экзамены в трех вузах, Веля не унывала. В родной городок возвращаться напрочь отказывалась, чтобы не огорчать стариков-родителей. В переписке с ними лгала, что работает в престижной фирме. Эвелина была простой и глупой, но с добрым

сердцем. Она делилась со мной обедом и читала вслух анекдоты из еженедельников. Памятуя об ультиматуме Олежи, я принялась за работу. Зазывала прохожих зарубежным пошивом и модным фасоном. К мужчинам обращалась с предложением порадовать жен, к противоположному полу — прикупить обновку. Продажи шли вяло. Люди мерзли и у прилавка не задерживались.

К вечеру, когда подземку осветили рыжие фонари, я пересчитала наличные. План по продажам был выполнен процентов на пятнадцать.

«Олежа вышвырнет меня на улицу — это лишь вопрос времени», — сокрушилась я.

— Пора и честь знать, — сообщила Веля, посмотрев на наручные часы.

— Сегодня уходишь пораньше? — спросила я.

— Ага. Миша обещал подбросить до дома.

— Миша? А Сережа вылетает из гонки бойфрендов?

Веля запустила руки под пуховичок, ловким движением отстегнула бутафорский живот и сложила в пакет. Куртка для беременных обвисла на стройной фигуре. Попрошайка ссыпала мелочь в истрепанную сумочку и повесила ее на плечо. Расправила челку, смотрясь в карманное зеркальце, и ответила:

— Сережа — все.

— Соболезную.

— Сплюнь! Жив-здоров. С другой. А у нас с Мишей все только начинается. — Эвелина взяла меня за запястья и, пританцовывая, засмеялась. Я сконфужено освободила руки. — До завтра, детка. Не перерабатывай допоздна, кого тут только по ночам не носит. Защиты от Олега особо не жди, — Веля понизила голос, — дыма без огня не бывает: говорят, Олежа — прохуdivшаяся «крыша». Девяностые прошли, кто первым это осознал и легализовал бизнес, того и тапки. Теперь все по-другому, понимаешь, Вер? Новый век!

Я проводила Эвелину и спустила рукава, чтобы отогреть пальцы. Из рта вылетело облачко пара. Краем глаза заметила копошение: Зева убрал гитару в чехол и собрал выручку. Заметив меня, отдал честь от виска и побрел к лестнице. Я кивнула вслед. Зева с Велей ушли на противоположным выходом к автостраде. Соль земли, лучшие из людей... Смех, да и только.

Я любила уединение, но тем вечером не могла найти себе места. Из глубин гормонального моря поднималась тревога. Села на табуретку, обхватив колени красными от холода пальцами. Дыхание превратилось в судорожное пыхтение, замерзшее тело пробивала дрожь. В ожидании покупателей боролась с наивной верой в мецената, что выйдет из лимузина, спустится в подземку, как небожитель, и скупит барахло по тройной цене в последний рабочий час.

Увы, я была не склонна к магическому мышлению. Сарказм, меланхолия и скептицизм вернее маскировали слабости. Иные отзывались обо мне, как о чертовой, заиклившей на себе девчонке, — не соглашалась, но и не спорила. Терпения у меня было чуть меньше, чем у ангела, но озлобленность не достигала до бесовской. Вычитала где-то, что человек — это то, чего еще нет, а также то, что силится быть. Так вот я — вытяжка из последнего дыхания папы и перегара мамы, которая стремится перейти в твердое состояние. Мамин дружок недавно сказал, что я Бедная Настя, только без княжеских кровей, смелости и хэппи-энда. Что же во мне от главной героини мыльной оперы кроме бедности? Возможно, то, чего еще нет. Это обнадеживало.

Прохожие пролетали бесформенными теньями, втягивая голову в воротники. Прибавилось немного денег после продажи зимних аксессуаров. Пересчитав купюры в поясной сумке, я засобиравлась домой: сложила стопкой хрустящие пакеты с кофтами, освободила стенд от верхней одежды и уложила ее с остальными товарами в баул. Заметила пальто, подвешенное с утра рослым Андреем. Не подумала наперед, что не смогу снять его самостоятельно, а музыкант уже свалил. Ничего не поделать — пришлось взять съемник для одежды и подтянуться.

— Ну, давай же... — помолилась я, когда крючок в очередной раз лязгнул по цепи. Прыгающая с палкой девчонка, наверное, напоминала, какого-то шамана в ритуальной пляске.

— Э, телочка, продай нам свой лифчик! — раздалось за спиной.

Переход наполнился омерзительным хохотом. Я обернулась, прижав к груди съемник. У торговой точки стояло двое тощих парней в лыжных куртках, грязных кроссовках и шапках, стянутых к макушке. Тому, что пониже ростом, не доставало передних зубов, а верзиле — растительности на голове. Дылда покручивал бейсбольную биту, низкорослый надевал на пальцы кастет. Я сделала осторожный шаг назад. Еще один — и упрусь в стену.

— Вы что-то хотели? Закрываюсь же, — вкупе с вечно угрюмым выражением лица, которое я не могла контролировать, мои слова прозвучали дерзко.

Гопники натянули противные улыбочки. Низкий кивнул на поясную сумку и приказал:

— Отдавай бабки.

«Олег оставит меня без единственного способа платить за нашу с мамой квартиру, если не получит сегодняшней выручки. Подумает, что и деньги своровала».

— Че тормозишь, овца? — заметив, что жертва мешкает, «бейсболист» замахнулся битой. — Метнулась!

— Живо!